

УДК 141.8 : 321.64

Феномен тоталитаризма в трактовке представителей русского зарубежья

Л.В. Пашенко

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления левого тоталитаризма. Особое внимание уделяется вкладу русских религиозных мыслителей в разработку проблемы истоков тоталитаризма в России, поскольку в своих работах они заложили основу для дальнейшего формирования западноевропейской концепции тоталитаризма как феномена XX века.

Abstract. In the paper the process of the left totalitarianism formation has been considered. The attention has been given to the contribution of Russian religious thinkers to the development of the problem of totalitarianism sources in Russia, as in their works they laid the foundation of further formation of the West-European conception of totalitarianism as a phenomenon of the twentieth century.

1. Введение

Понятие "тоталитаризм", фиксирующее принципиальные особенности репрессивных социально-политических систем в XX веке, не просто стало одной из наиболее важных и дискуссионных категорий, но и остается постоянным объектом научных исследований.

Концепция тоталитаризма начала активно разрабатываться учеными с 20-30-х годов прошлого века. Задолго до оформления концепции тоталитаризма на Западе первые попытки осмыслить феномен тоталитаризма были предприняты представителями русской эмиграции: Г. Федотовым, И. Ильиным, Н. Бердяевым, П.Б. Струве, С.Н. Булгаковым, С.Л. Франком. В рамках одной статьи невозможно охватить весь спектр идей и мнений о тоталитаризме, высказанных мыслителями русского зарубежья. Русские философы смогли осуществить беспрецедентный по своему значению опыт всестороннего исследования коммунизма, как одного из величайших в истории духовно-мировоззренческих соблазнов, воплотившегося в реальность именно в российской действительности. Необходимо отметить, что русских мыслителей, прежде всего, волновал вопрос об истоках левого тоталитаризма. Перечисленные выше представители русской религиозно-философской мысли по-разному отвечали на данный вопрос, но однозначно отвергали предположение об установлении большевистской диктатуры как следствии случайного складывания различных социальных и экономических факторов.

2. Утопия и тоталитарная практика большевизма

Тоталитаризм как тип политической системы возник в XX веке. Тоталитарные взгляды, и, прежде всего, идеи необходимости полного подчинения части целому, индивида – государству, а также тотальной управляемости обществом существуют свыше двух тысячелетий. Так, еще в V веке до н.э. Гераклит считал, что, обладая мудростью, совершенным знанием, "можно управлять решительно всеми вещами". Достаточно детальное обоснование тоталитарная модель государства получает у Платона, Т. Мора, Т. Кампанеллы, Г. Бабефа, Сен-Симона, Ж.-Ж. Руссо. В более позднее время они развиваются в трудах Фихте, Гегеля, Маркса, Ницше, Ленина, Сореля и других мыслителей.

Идеальные образы совершенного гармоничного строя – утопии – играют огромную роль в истории. Как отмечал Н.А. Бердяев, первоисток тоталитаризма следует искать в политизации утопии. "Целостность есть главный признак утопии. Утопия всегда тоталитарна, враждебна свободе". Это объясняется тем, что утопия как закрытая, законченная система, обрисовывающая все стороны жизни идеального общественного устройства, не оставляет места для дисгармонии, противоречий, для утверждений и действий, опровергающих ее основополагающие постулаты. В тоталитарной модели утопия отождествляется с абсолютной истиной. Это позволяет рассматривать все остальные теории и взгляды как заблуждения или сознательную ложь, а их носителей – либо как врагов, либо как темных или заблудших людей, требующих перевоспитания. Ради достижения великой общей цели позволительно использовать любые средства, не считаясь с затратами и жертвами.

Одним из первых, кто с поразительной прозорливостью оценил возможные последствия социального эксперимента, предпринятого большевиками, был П.А. Сорокин. В статье "Современное состояние России", написанной в 1922 г., он сформулировал закон социального иллюзионизма и показал действие этого закона на примере всех "великих" революций, и прежде всего Октябрьской. Вывод П.А. Сорокина следующий:

"Величайшими эпохами реакции в истории любого народа являются эпохи глубоких революций, а величайшими реакционерами – величайшие диктаторствующие революционеры" (Сорокин, 1994).

П.А. Сорокин, именуя Октябрьский переворот "распятием России", констатирует, что все иллюзии и радужные надежды оказались ложными, развитие страны было прервано и не только остановлено, но и отброшено назад на одно-два столетия.

Важный вывод, к которому приходят представители русской зарубежной мысли, заключается в том, что большевистский проект – это утопия. Характерной чертой тоталитаризма является стремление к утопии – идеальному обществу, к возможности проектировать и конструировать мир человеческих отношений, природы и самого человека. Тоталитарные утописты считали себя призванными создать новый, совершенный мир на этой земле. Русский философ С.Л. Франк, анализируя исторические корни тоталитарной идеологии, сознательно использует теологическое понятие ереси. "Под утопизмом мы разумеем специфический замысел, согласно которому совершенство жизни должно быть обеспечено неким общественным порядком. Этот замысел спасения мира самочинной волей человека... никакие злодеи не натворили в мире столько зла, не пролили столько человеческой крови, как люди, хотевшие быть спасителями человечества" (Франк, 1972).

В ереси утопии совмещаются два момента:

- притязания на знание того, в чем состоит подлинно человеческая жизнь;
- пренебрежение человеческой свободой, поскольку апелляция к ней не ведет к осуществлению совершенного человеческого общества.

Русский философ разглядел в тоталитаризме XX в. его злой прообраз. Этот прообраз заключается в гордыне, притязающей на то, чтобы подобно Богу, решать, что есть человек, и следовательно, что есть добро и зло, в гордыне, не допускающей никаких ограничений своей власти, в гордыне, которая, в конце концов, перестает относиться к другому человеческому существу как к неприкосновенной святыне.

Утопии спасения, а именно к таким относится левый тоталитаризм, рассчитывающие построить совершенное человеческое общество политическим путем, не признают за человеком свободы. Утописты XX в. презирали человеческую свободу, были убеждены, что, зная подлинную сущность человека, они смогут организовать совершенное общество. В свободе они видели злейшего врага этого общества. С.Л. Франк понимал, что совершенное общество нельзя создавать вопреки свободе. Где государственными мерами пытаются насадить общество полного счастья, там законы становятся инструментами террора.

С. Франк приходит к выводу, что совершенное общество, т.е. такая организация жизни, при которой все идеалы христианского гуманизма нашли бы свое гармоническое воплощение и все основные жизненные проблемы были бы решены, нельзя создать (утопия невозможна).

На опасность реализации насильственным путем утопической идеи обращали внимание и другие представители российской философской мысли начала XX в.: П.И. Новгородцев, П.Б. Струве, Г.В. Флоровский, Н.А. Бердяев.

П.И. Новгородцев говорил о крушении "утопии земного рая", о недостижимости создания искусственным путем такого уклада, при котором навсегда был бы устранен источник "порчи и несовершенства", и о крушении утопических надежд "найти безусловную форму общественного устройства". По мнению П.И. Новгородцева, "единственный, подлинный путь к идеалу – свободное внутреннее обновление людей и внутреннее осознание их общей ответственности" (Новгородцев, 1991).

Г.В. Флоровский, говоря, что "утопических выводов требует с неотразимостью какая-то изначальная аксиома", подчеркивает родство в этом плане и средневековой католической мысли, и философии Нового времени, и эпохи Просвещения, и эпохи "исторической реакции", и современного боготорческого социализма. При этом он подчеркивает, что "утопизм есть постоянный и неизбывный соблазн человеческой мысли, ее отрицательный полюс, заряженный величайшей, хотя и ядовитой энергией" (Флоровский, 1990).

Много внимания изучению тоталитаризма и его критике уделил И.А. Ильин, называвший этот режим "всепроникающей, всенасилюющей, всерастворяющей политической машиной" (Ильин, 1993). В статье "Социальность или социализм?" Ильин отмечает несовпадение этих понятий, что позволяет спекулировать на социальных ожиданиях людей. Социально то, что ведет к установлению порядка, закона, от которых жизнь становится справедливее, а отношения в обществе человечнее. Первым условием "социальности" является бережное отношение к личности, ее достоинству и свободе. И наоборот, порабощение и унижение человека исключает "социальность". Под социальностью он понимает состояние духа и порядок духовной жизни свободных людей. Режим страха, угроз, доносов, шпионажа, лести и лжи, несмотря ни на какую возможную "сытость", не может быть социальным. Теоретически социализм это обещает, но на практике его осуществление, даже при самых искренних намерениях, обеспечить не может.

Что же касается "социализма" как системы, то, по мнению И. Ильина, он "не раздает из любви, а отнимает из ненависти и зависти; он есть разновидность земного стяжательства; он ищет коллективного обогащения и для этого создает личное нищенство для всех; он сулит всем равное потребительское богатство – и обманывает" (Ильин, 1993).

Уже опыт первых христиан, пытавшихся достигнуть социальности путем обобществления имущества, привел к разорению и кровавым распрям и был отброшен как хозяйственно несостоятельный. В масштабах крупного государства он не может быть эффективным. "Общность имущества, – пишет Ильин, – вообще есть дело претрудное и требующее легкой и свободной добровольности. Но именно добровольную общность не следует смешивать ни с социализмом, ни с коммунизмом" (Ильин, 1993). Ильин делает вывод о том, что подобные эксперименты обречены на неудачу, ведут к разочарованию, вражде, насилию, воровству, хозяйственным неудачам. Наша действительность подтверждает правоту русского философа.

Следовательно, всеобщность, всеохватность как выражение общественного и личного блага: гармонии, нравственности, справедливости – невозможны. Выдвигаая "всеохватные" цели, коммунизм ленинско-сталинского типа не мог стать ничем иным, кроме как разновидностью той антилиберальной и антидемократической власти, которую именуют тоталитарной.

3. Истоки тоталитаризма в культурно-историческом развитии России

Представителей русской религиозно-философской мысли волновал вопрос, почему именно Россия стала страной, в которой в XX веке была предпринята первая и наиболее последовательная попытка воплощения в исторической действительности коммунистической утопии и как следствие – тоталитаризма. В целях исследования русскими философами был применен метод комплексного изучения России как особого типа цивилизации. Они стремились обнаружить его истоки в разнообразных, подчас уходящих в далекое прошлое особенностях исторического развития страны, в характере российского менталитета. Немаловажную роль в формировании тоталитарного мышления сыграла русская радикальная интеллигенция.

Особенностью российской цивилизации во многом определившей мировоззрение как русского народа, так и русской интеллигенции, является понятие "земли". Об этом писали Н. Бердяев, И. Ильин, Ф. Степун.

"Читая любую русскую историю, получаешь впечатление, что русский народ не столько завоевывал землю, сколько без боя забирал ее в плен, – писал Ф. Степун (1999). – Это военнопленная земля и работала на русский народ, работала без того, чтобы он сам на ней по-настоящему работал. Тот постоянный колониционный разлив России, неустанный прилив хлебородных равнин, которые приходилось наспех заселять и засеивать, лишал русский народ не только необходимости, но и возможности заботливого и тщательного труда на земле. Так столетиями создавался в России стиль малокультурного, варварского хозяйствования, психология безлюбного отношения к любимой земле..."

О влиянии необъятной русской равнины на социально-психологическую особенность русского человека многократно указывал Николай Бердяев. В работе "Истоки и смысл русского коммунизма" он писал: "Бесконечно трудная задача стояла перед русским человеком – задача оформления и организации своей необъятной земли. Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Можно сказать, что русский народ пал жертвой необъятности своей земли, своей природной стихийности. Ему нелегко давалось оформление, дар формы у русских людей не велик" (Бердяев, 1997). Этим объясняется и деспотический характер русского государства. Самодержавный инстинкт русского народа нашел свое воплощение в персонифицированном отношении к источнику авторитарной власти. Вера в сильную государственную личность, ее обожествление явились благодатной почвой для установления диктатуры большевиков. Монархическая традиция царской России трансформировалась в одну из главных черт советской власти – режим личной власти большевистских диктаторов.

Наряду с "землей", одной из наиболее идеологизированных и даже мифологизированных категорий как народного, так и интеллигентского сознания является "община", которая также во многом способствовала распространению в русском самосознании архетипов коммунистического мировоззрения. Подавляющее большинство населения России во многих поколениях было воспитано традициями жизни русской общины. Столетиями утверждались общинный коллективизм, корпоративность, уравнительность, принципы социальной справедливости. "Элемент социализма имелся в русской крестьянской общине, государственно-принудительной, бессрочной и ограничивающей свободное распоряжение землей, – писал И.А. Ильин (1992). – Община казалась целесообразной и «социальной» потому, что связанные ею крестьяне старались преодолеть ее отрицательные стороны справедливым распределением используемой земли и несомненного бремени (переделы по едокам и круговая порука)".

Наличие общины имело негативные социально-экономические последствия для всего последующего развития России, приходит к выводу Ильин. Это выразилось в аграрном перенаселении общины, интенсивности и отсталости крестьянского хозяйства, в подавлении личной хозяйственной инициативы, к нарастанию революционных настроений в стране. Следовательно, идеология тоталитаризма основывалась на уже готовом фундаменте.

4. Роль левой интеллигенции в становлении тоталитарного сознания

История русской государственности неразрывно связана с судьбой русской интеллигенции, прежде всего той ее части, которая резко противопоставляла себя государственной власти – интеллигенции радикально-социалистического направления. Сознание именно радикальной части интеллигенции оказало решающее влияние на революционные процессы и всю дальнейшую судьбу России. Смысловым ядром интеллигентской доктрины стала идея социального переворота, взрыва как единственно верного пути к истинно справедливому обществу. Русской интеллигенцией овладела идея долга перед народом, чувство вины перед ним.

Формирование русской интеллигенции на протяжении ее почти полуторавековой истории стала важнейшей темой творчества представителей русской религиозно-философской мысли, которые ощущали свою органичную связь с этой историей, а значит и свою глубокую нравственную ответственность за весьма противоречивые деяния русской интеллигенции.

Исторически закономерными и мировоззренчески определяющими чертами радикальной интеллигенции, по мнению практически всех писавших на эту тему русских религиозных философов, следовало признать социально-политическую беспочвенность и идеологическую умозрительность, псевдорелигиозность. Данные черты во многом сформированы самодержавным строем России. "Сущность самодержавного строя сводится к систематическому отлучению «подданного» от власти и от государственного дела, – подчеркивал *И.А. Ильин* (1995). – И это отлучение подрывает в корне самую сущность государства и правосознания. Отлучение «подданного» от государственной власти душит и уродует политическую жизнь народа".

Отторгнутая на многие десятилетия от свободной и ответственной государственной деятельности, большая часть русской интеллигенции сформировала убеждение в исключительно отрицательной роли государства в историческом развитии России, в необходимости противопоставлять интересы государства и народа.

Именно с этой политической недееспособностью, характерной как для редко допускавшейся до государственного управления интеллигенции, так и для не стремившихся даже к местному самоуправлению народных масс, следовало связывать одну из причин приемлемости для значительной части российского общества тоталитарных тенденций коммунистического утопизма в области государственной жизни.

Во второй половине XIX века происходит процесс созревания культурно-исторических предпосылок распространения утопических идей коммунизма в России, утверждение марксизма как наиболее авторитетной и популярной идеологии русской революционной интеллигенции.

В конце XIX века "научный социализм", как говорит один из крупнейших русских религиозных философов XX века, сам бывший марксист, С.Л. Франк, исповедовался огромным большинством русской интеллигенции. Марксизм задел российский народ мессианским зерном своего учения. Доверчивая русская душа была прельщена идеей К. Маркса о возможности установления бесклассового общества и золотого века для всего человечества.

Марксизм превратился в теорию, которая должна была удовлетворить стремление интеллигенции к разрушению российской государственности и культуры во имя торжества социально-утопических представлений. Марксизм, по мнению Бердяева, превратился в России в религию. "В России философия экономического материализма превратилась в классовую пролетарскую мистику. Интересы распределения и уравнивания в сознании и чувствах русской интеллигенции всегда доминировали над интересами производства и творчества", – подчеркивает Бердяев. "Интеллигенцию не интересует вопрос, истинна или ложна теория, ее интересует лишь то, благоприятна или нет эта теория идее социализма, послужит она благу и интересам пролетариата...", – делает вывод философ. Н. Бердяев считает, что марксизм оказал негативное влияние на мировоззрение русского интеллигента. "Марксизм был крушением русской интеллигенции... Это было не только изменением мирозерцания, но и изменением душевной структуры. Русский социализм делался менее эмоциональным и сентиментальным, более интеллектуально обоснованным и более жестким..." (*Бердяев*, 1997).

Близкое к мессианству понимание своей роли в истории укрепилось в сознании интеллигенции. Однако борьба за счастье грядущих поколений обернулась безразличием и враждебностью к своим современникам. Ради будущего всеобщего счастья интеллигенция освободила себя от уз "обычной

морали" и составила "новую нравственность", позволявшую полную свободу действий ради торжества революций. И если первоначально интеллигенция расплачивалась своими жизнями за свои слова и дела, то затем в ход были пушены чужие жизни.

Внутренняя логика процесса привела к убийствам, грабежам, воровству и всяческим беспорядкам в общественной жизни. Поставив себя на место Бога, решив, что ей "все позволено", левая интеллигенция закономерно пришла к террору.

С.Л. Франк к важнейшим характерным чертам мировоззрения революционной интеллигенции причислял "нигилистический утилитаризм, который отрицает все абсолютные ценности и единственную нравственную цель усматривает в служении субъективным, материальным интересам «большинства» (или народа), морализм, требующий от личности строгого самопожертвования, безусловного подчинения собственных интересов делу общественного служения, и, наконец, противокультурную тенденцию – стремление превратить всех людей в «рабочих», сократить и свести к минимуму высшие потребности во имя всеобщего равенства и солидарности в осуществлении моральных требований" (Франк, 1991).

Интеллигенция пыталась внедрить в сознание народа западные идеи, философские системы, теории, идеологии. Таким образом, интеллигенция способствовала духовной опустошенности и росту преступности в народной среде, а также атомизации всего общества. В итоге в России воцарилась идейно-политическая унификация и господство охлократии, что привело к последующему духовному упрощению и сползанию в тоталитаризм.

5. Заключение

Тоталитарный строй советской России имел глубокие корни в характере русского народа, и явился закономерным историческим этапом развития нашего государства. Философы русского зарубежья показали, что тоталитарные режимы нельзя воспринимать в отрыве от исторического развития и общественной среды. Его можно назвать "болезнью роста", вызванной неоднозначными причинами. С одной стороны – догматизм, идейная нетерпимость, фанатизм. С другой – стремление к целостному мирозерцанию, поиски "Царства", государства Правды и Справедливости. Эти высокие мотивы, заложенные в народном характере, эти качества незрело, несовершенно преломились в условиях первой половины XX века, условиях достаточно экстремальных и создали этот уникальный общественный строй именуемый тоталитаризмом.

Однако, не только специфические черты характера русского народа определили становление тоталитаризма. Практически все ведущие представители русской религиозной мысли разделяли вывод о культурно-исторической реакционности коммунистической идеологии. Предпринятая большевиками попытка осуществить коммунистическую утопию в российской действительности неизбежно обусловила появление тоталитаризма. Таким образом, зародыш тоталитаризма коренится уже в любой форме коллективизма, в любой попытке подчинить индивида, его индивидуальные устремления чему-то общему.

Русские религиозные философы на протяжении десятилетий, будучи оторванными от Родины, стремились пристально вглядываясь в советскую действительность вести духовно-мировоззренческую борьбу против уничтожавшего и развращавшего душу русского народа коммунистического утопизма, который кроваво воплощался в жизнь большевистским режимом.

Литература

- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., Наука, с.339, 1997.
- Ильин И.А. Социальность или социализм? Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 годов. В 2 т. М., Рарор, т.1, с.42, 1992.
- Ильин И.А. Корень зла. Крушение России. (Статьи и выступления). Смоленск, с.158, 1995.
- Ильин И.А. О тоталитарном режиме. Собр. соч. В 10 т. М., Русская книга, т.2, кн.1, с.111, 40, 41, 1993.
- Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права. Сочинения. М., Наука, с.373, 1995.
- Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., Пресса, с.220, 1991.
- Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., Наука, с.421, 441, 1994.
- Степун Ф.А. Мысли о России. Национально-религиозные основы большевизма: пейзаж, крестьянство, философия, интеллигенция. Чаемая Россия. М., РОСПЭН, с.11-12, 1999.
- Флоровский Г.В. Метафизические предпосылки утопизма. Вопросы философии, № 10, с.83, 84, 1990.
- Франк С.Л. Ересь утопизма. В кн.: По ту сторону правого и левого. Под ред. В.С. Франка. Париж, YMCA-Press, с.23, 1972.
- Франк С.Л. Этика нигилизма. Вехи. Из глубины. М., Правда, 281 с., 1991.